

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

LXII

**СОГДИЙЦЫ,
ИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ,
СОВРЕМЕННОКИ
И НАСЛЕДНИКИ**

Санкт-Петербург • 2013

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

LXII

**СОГДИЙЦЫ,
ИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ,
СОВРЕМЕННОКИ
И НАСЛЕДНИКИ**

На основе материалов конференции
«Согдийцы дома и на чужбине»,
посвященной памяти
Бориса Ильича Маршака
(1933–2006)

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2013

И. А. Кызласов (Москва)

ЕНИСЕЙСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ С ИРАНСКИМ ЗАИМСТВОВАНИЕМ

*Высокому достоинству мужчины,
познавшего свое предназначение.*

*Высокому достоинству мастера,
сознательно потратившего жизнь*

*Высокому достоинству борца,
оставшегося там,
где больше всего нужен*

Светлой памяти
Бориса Ильича Маршак

Борис Ильич и Валентина Ивановна – люди моего детства, и человеческого, и археологического. Когда они появлялись в доме моего отца – лучшие и любимые ученики, – наступал праздник. И как бы ни старалась с застольем мама, это был праздник науки. Тот, кто не видел радости раскрытия нового материала (пусть на бумажке), тот, кто не видел дискуссии заливающихся счастливым смехом погруженных в общее открытие оппонентов, – тот не сможет представить атмосферу этих встреч.

В 1971 г. отец обнаружил первый манихейских храм в Сибири. И все мои старания помочь ему сразу что-то понять в огромном объекте, итоги разнонаправленной шурфовки, убеждавшей в точности определения заросшего травой бугра, привели к итоговой фразе: «А на будущий сезон ты мне не нужен». Как это? «Ты не умеешь копать сырцовых построек, такой археолог здесь ни к чему». Внутренний ужас, который необходимо было превозмочь сугубо археологически, был снят коротким советом: «Немедленно просись в экспедицию Александра Марковича Беленицкого, копать учись у Распоповой, а всему в целом – у Бориса Ильича».

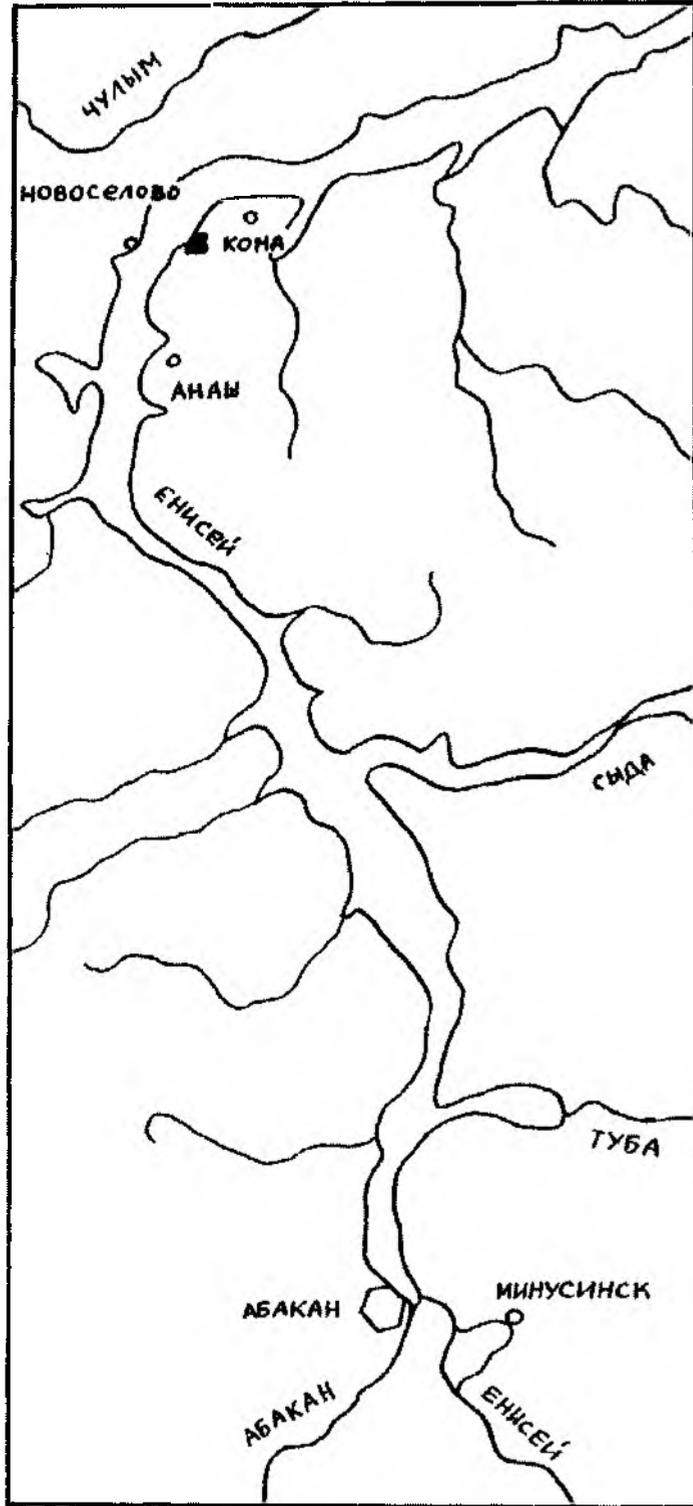
Благодарность, поклон, светлая память добрым людям: свое двадцатилетие я в тот год встретил за общим столом Пенджикентской экспедиции и, подняв глаза, доднесь могу видеть расписную косу, преподнесенную мне в тот вечер. Но главный и самый щедрый подарок, полученный в результате продлившихся месяц работ на Зеравшане, заключался в ином. Уже сезон 1972 г. прошел у меня на раскопках Ербинского храма – развалин, стоявших мертвыми в хакасской котловине Сорга примерно с X в. и ныне уже получивших предварительную публикацию (Кызласов А. Р. 1999). Храм копался два сезона. Затем, сразу же, в 1973 г. были обнаружены Уйбатские храмы, исследовавшиеся раскопками по 1981 г.

Анализ полученных десятилетними раскопками Ербинского и Уйбатских манихейских храмов (Кызласов А. Р. 1998; Кызласов А. Р. 1999) должен быть продолжен. Но уже ныне открытие северного, сибирско-тюркского манихейства стоит на трех историко-культурных опорах: раскопанных А. Р. Кызласовым храмовых центрах в Хакасии; содержании молитвенных и проповеднических наскальных рунических надписей Саяно-Алтайского нагорья (Кызласов И. А. 2001) и специфической манихейской орфографии, привнесенной адептами новой религии в надписи рунического письма – и енисейского, и орхонского (Кызласов И. А. 1997; Кызласов И. А. 1999а).

Строительные материалы и архитектурные решения раскопанных в долине Среднего Енисея манихейских храмов отражают участие в их создании согдийских архитекторов и мастеров. Ныне представляю енисейскую руническую манихейскую надпись, содержащую иранское лексическое или, если угодно, понятийное заимствование.

Енисейские надписи на скалах – постоянно пополняющаяся категория рунических памятников. Находки последних лет свидетельствуют, что нанесение на поверхность горных обнажений небольших текстов было распространенным явлением в жизни средневекового саяно-алтайского общества лишь с момента принятия им манихейства в 60-х гг. VIII в. Надо полагать, что этому способствовал ряд немаловажных как естественных, так и историко-культурных обстоятельств предшествующего времени. Во-первых, основные скальные образования речных долин Енисея и Катуня сложены песчаниками и сланцами – породами, предоставляющими не только чрезвычайно удобные для письма поверхности, но и достаточно мягкими для нанесения строк без специального инструмента. Во-вторых, ко времени распространения рунической письменности в Южной Сибири в течение нескольких тысячелетий существовала традиция горных культов и поклонений, сопровождавшихся высеканием и вырезанием жрецами на скалах сакральных изображений, местами сложились крупные разновременные композиции, хорошо известные жителям и по разным причинам неизменно привлекавшие их внимание. Писаницы поддерживали у людей своеобразное и, можно сказать, исконно почтительное отношение к скалам, и не случайно места с древними изображениями с приходом книжного мировоззрения почитались уже в письменной форме. В-третьих, широкому распространению писания на скалах способствовало одухотворенное восприятие предками окружающей их природы, приятию ее как естественной, непрременной и неизменной, а в силу этого вечной и вполне обжитой среды (Кызласов И. А. 2008). И, наконец, одним из существенных условий появления наскальных надписей являлась широкая для той поры грамотность населения Древнехакасского государства (Кызласов И. А. 1999б), объединившего всю Южную Сибирь и Северо-Западную Монголию.

Летом 1982 г. в окрестностях д. Кома (Новоселовский район Красноярского края) минусинский археолог Н. В. Леонтьев обнаружил новую руническую надпись (ил. 1). Она была вырезана двумя горизонтальными строками на юго-восточном скальном выходе отвесного утеса Городовая Стена, обрывающегося с правого берега в воды Енисея (ил. 2). Выходы песчаниковой породы, использованные для нанесения надписи, образуют северный борт устья неширокого лога, отделяющего скалу Городовая Стена от горы Улазы (ил. 3, 4). Ныне обе прибрежные горы подтоплены

Ил. 1. Карта-схема расположения наскальной надписи. Надпись отмечена черным квадратом

Ил. 2. Расположение утеса Городовая Стена и надписи на нем.
Надпись отмечена косым крестом

Красноярским водохранилищем, и древнехакасский текст в момент его фиксации располагался на высоте 2,5 м над затопляемым скальным карнизом (ил. 5).

Первая строка тянется вдоль края скального выхода (ил. 6) на протяжении 162 см и состоит из 52 рунических знаков. Вторая расположена под началом первой и имеет длину 18 см; она включает 6 рунических знаков (ил. 7). Положение обеих строк не строго горизонтально – отступая влево, ось текста постоянно снижается. Вторая строка, возможно, возникла из-за невозможности расположить весь текст в одну линию – слева надпись достигла более ранних наскальных изображений, попортить которые автор себе позволить не мог. Такое отношение к петроглифам древности, насколько можно судить, исконно отличало жителей долины Среднего Енисея от населения Верхнего течения реки и Алтайских гор (Кызласов И. А. 2008. С. 452–458). В основном высота рун, вырезанных тонкими, но достаточно ясными линиями,

Ил. 3. Гора Узлы (справа) и скала Городовая Стена. Вид с Енисея.
Распадок с надписью отмечен стрелкой

Ил. 4. Скальный выход юго-восточной оконечности Городовой Стены с надписью.
Общий вид

составляет 4,5–5 см, но высота отдельных знаков может быть от 7 см до 3,5–3 и даже 2,5 см (ил. 7).

В 1983 г. прорисовка Н. В. Леонтьева и соответствующая ей транслитерация текста были изданы Д. Д. Васильевым (Васильев 1983. С. 46, 81). Надпись получила название «Новоселово» и индекс Е 144. Однако раскинувшееся на противоположном, левом берегу Енисея с. Новоселово не может быть привязкой для этого текста (ил. 2). Как принято в рунологии по отношению к наскальным надписям, текст следует именовать по названию утеса, на который он нанесен, – Городовая Стена.

Воспроизведя прежнюю прорисовку в 1986 г., Д. Д. Васильев исправил вкравшиеся в первое издание ошибки в транслитерации знаков 2 (𐌱) и 6 (𐌲), того, что оказался между 9 и 10, изменил понимание знака 36 и воспроизведения знаков 23 и 34, определил палатальность рун 3 и 5. Были даны транскрипция и перевод текста. Поскольку отдельные места надписи по представленной прорисовке не были поняты, прочтение и перевод оказались неудачными, исследователем не было получено связного текста, не были прояснены причины его создания («Когда [враги, преграды] уничтожены, о Мать – река Кем, и нас соединила глубокая артерия, то мы все [как] добрые твои друзья живем. Наши исконные земли. Мое богатое сооружение»). Индекс памятника в статье был отчего-то изменен на Е 143, приведен ошибочный административный адрес с. Новоселова (Васильев 1986. С. 53, 54).

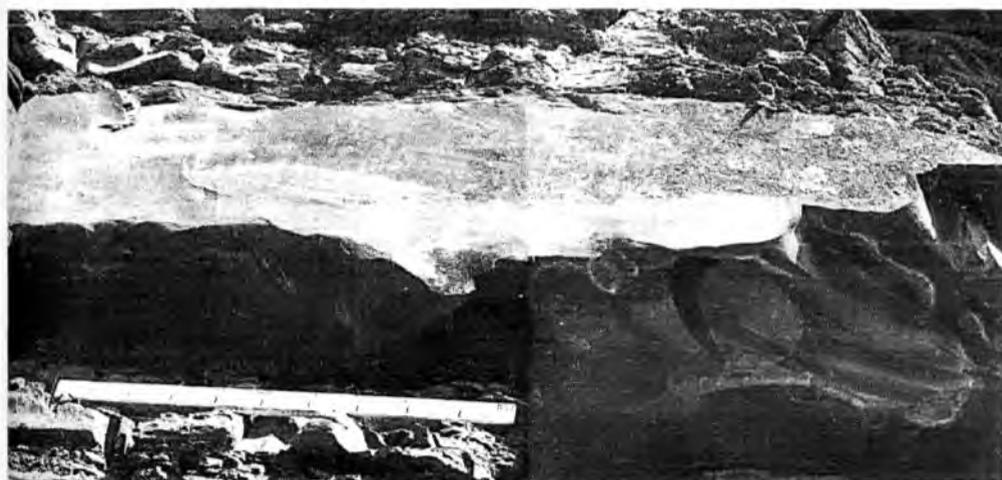
В прорисовке Д. Д. Васильева неверно переданы руны 1, 5, 16 первой строки. Из чтения выпали не понятые ученым первые два знака текста. Кроме того, автором

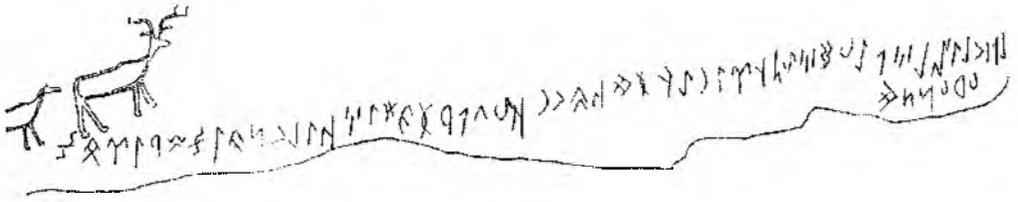
Ил. 5. Городовая Стена. Общий вид устья распадака и скального карниза в момент эстампирования надписи

неоднократно допускается различное чтение знаков одного и того же облика: руны 3 и 5 (I) как s^1 , а такой же руны 16 уже как s^2 ; руна Г (6, 19, 37, 45, 49) как i , а такого же знака 40 как зеркального варианта для p , хотя здесь же буквы 2, 10, 32 – образцы правильного написания p : 1.

При осмыслении надписи Д. Д. Васильевым применяется и противоположный прием – одинаковос прочтение разных по форме знаков (3, 5 и 31 – I и ^ – как s^1). Пятый знак второй строки (H), обозначающий s^2 , воспринимается исследователем как зеркальный вариант q H, хотя в первой строке есть правильные воспроизведения q : знаки 25, 29, 39. Непоследовательный подход к транслитерации

Ил. 6. Общий вид плоскости с руническим текстом

Ил. 7. Надпись на Городовой Стене. Прорисовка автора

не привел, однако, к гладкой транскрипции – в получаемых при чтении словах *elū* и *olurbiz* пришлось соединить знаки для палатальных и веларных звуков, слова *gor* и *olurbiz* пришлось дополнить обычно не опускавшимися в руническом письме губными гласными (в других местах надписи они начертаны писавшим – руны 4, 27, 42). Объяснению рун 11 и 15 как словоразделительных знаков ↙ «а/я» противоречит не только редкая избирательность применения такого приема в столь пространной надписи, но и странная непоследовательность применения (в одном случае после деепричастия, во втором – после определения, перед определяемым словом).

Много сложностей и в полученном Д. Д. Васильевым прочтении. Отмечу два главных. В первой строке в средневековую надпись привносится современный журналистский штамп «водная артерия» для обозначения Енисея (основой служит чтение *lijir* «жила, кровеносный сосуд»). Фраза второй строки («Мое богатое сооружение») никак не соотносится с тем, что сама надпись наскальная, нанесенная на природный речной обрыв. Предлагаемый автором термин *el* (друг, сподвижник) здесь сомнителен, поскольку среди енисейских надписей встречается только в эпитафиях Тувы и принадлежит к показательным особенностям местной лексики (Кызласов А. Р. 1969. С. 123, 199).

Нельзя принять и предложенное историческое объяснение надписи как призыв к мирным отношениям и монументальное свидетельство прав на территорию, уязвимаемые с походом в Присаянье тюрок в 710–711 гг. Это допущение не согласуется ни с особенностями расположения самой надписи в глухой непроезжей местности, ни с эпиграфическими традициями тюрок, ни, самое главное, с палеографией текста. Надпись выполнена древнехакасским енисейским алфавитом, в то время как тюрки в VIII в. применяли иную, орхонскую письменность.

Летом 1983 г., благодаря содействию Н. В. Леонтьева и А. Р. Кызласова, мне довелось изучить оригинал надписи¹. Текст вырезан ясно, четкими буквами, что позволяет не только исправить предшествующие ошибки, но и практически отпадает возможности разночтения этого наскального граффито. В связи с этим уже в 1985 г. мною было предложено новое его прочтение и перевод (Кызласов И. А. 1985). Но даже при полной ясности транслитерации, достигнуть полного понимания этого письменного памятника было непросто: связи словосочетаний в нем уточнялись мною и в 1994 г., когда была впервые издана точная прорисовка надписи (Кызласов И. А. 1994. С. 191, 192. Рис. 25). Лишь изменение в восприятии наскальных рунических надписей как таковых, наступившее в результате десятилетней работы с ними на Горном Алтае, позволило, наконец, поставить строки на Городовой Стене в общий религиозно-философский ряд манихейских рунических начертаний Саяно-Алтая

(Кызласов И. А. 2001. С. 249). Теперь следует дать подробное обоснование прочтения и перевода этого редкого по содержанию и значению камнеписного текста.

Для удобства обсуждения знаков надписи (ил. 7) за каждым пятым из них помещен соответствующий номер².

Текст

➤ 𐰇 𐰆 𐰅 𐰄 (20) 𐰃 𐰂 𐰁 𐰀 𐰉 (15) 𐰈 𐰇 𐰆 𐰅 𐰄 (10) 𐰃 𐰂 𐰁 𐰀 𐰉 (5) 𐰈 𐰇 𐰆 𐰅 𐰄 : стк. I
 𐰃 𐰂 (45) 𐰁 𐰀 𐰉 𐰈 (40) 𐰇 𐰆 𐰅 𐰄 𐰃 (35) 𐰂 𐰁 𐰀 𐰉 𐰈 (30) 𐰇 𐰆 𐰅 𐰄 𐰃 (25) 𐰂 𐰁 𐰀 𐰉 𐰈
 𐰇 𐰆 (50) 𐰅 𐰄 𐰃 𐰂 𐰁 𐰀 𐰉

➤ (5) 𐰈 𐰇 𐰆 𐰅 𐰄 : стк. II

Транслитерация

l'ps²/s¹o/ul¹(5)i/in²l'yp(10)a/āb¹d¹ya/ā(15)t²q²i/in¹(20)a/ākāmq(25)r¹o/un¹qb¹
 (30)s²/s¹p²äg(35)s¹/s¹i/lyqi/i(40)l¹o/ur¹b²i/i(45)zt¹j²i/i²(50)b²z
 b¹j¹b¹r¹e²m

Транскрипция

(A)lp sol [b(e)n]. In (a)ly(i)p ab(a)dyā T(ā)ḡri (A)na Kem Q(a)tun q(a)b(i)š(i)p jeg (a)sīy
 qūr biz. (A)t jir b(i)z
 Baj b(a)r (e)t(t)(i)m

Перевод

[Я –] Алп Сол. Когда положен предел греховному (букв. *низкому*) [и] Небо и Владычица Мать Кем [река] соединяются в благоустроенности, мы [все], приносим благу (букв. *хорошую*) пользу и достигаем сана (или: званий)

[Так] [и] я стал богат.

Разбор

I. 1–5 (ил. 8) Первыми пятью знаками написаны две части аристократического имени Alp Sol. Слово alp, обозначавшее героя, витязя, стрелка, а также имевшее смысл «мужественный, отважный», являлось распространенным первым компонентом имен средневековой тюркоязычной знати (ДТС. С. 36, 37). Подобное его употребление (*Alp Urūni tutuq*) зафиксировано в единственной древнехакасской эпитафии – четвертом памятнике с Чаа-Холя (Е 16, 1) (Малов 1952. С. 38, 39 ; ср.: Кормушин 2008. С. 108, 314).

Второй компонент имени – sol «левый» – насколько известно, до сих пор не встречался в составе личных имен, зафиксированных средневековыми тюркоязычными эпитафийными памятниками (ДТС. С. 508). Однако он отмечен среди аристократических имен средневековых хакасов танскими хрониками. Так, в столице У-цзуна в 843 г. прибыл древнехакасский посланник Чжуву Хэ-со. Согласно разъяснениям Синь Таншу (первая половина XI в.): «*Чжуву* есть прозвание, *Хэ* значит отважный, *со* левый, т. е. искусный стрелок с левой руки» (Бичурин 1950. С. 356). Н. В. Кюннер (Кюннер 1961. С. 56, 57) читал имя посла как Чжу-у Хэсу. Согласно Тайпинхуаньюцзы, источнику 976–983 гг., Г. П. Супруненко предположительно восстанавливает это имя (Чжу-у-хэ-су) как Чигу (Чогу) Алп Сол (Супруненко 1970.

Ил. 8. Деталь первой строки надписи. Знаки 1–6: 1'ps'ol'i

С. 79) или Чугу Алл Сол (Супруненко 1974. С. 244; 1975. С. 63. Примеч. 14). В записи имени другого древнехакасского посла Та-бу Хэ-цзу (842), зафиксированном в сочинении Ли Дэ-юя (841–846), она предлагает видеть имя Тапу Алл Сол (Супруненко 1970. С. 80; Супруненко 1974. С. 243; Супруненко 1975. С. 63, 64). Компонент *sol* можно было бы истолковать как имя человека, связанного с управлением левым крылом войска, народа, государства, – деление, довольно широко распространенное среди различных средневековых тюркоязычных народов и групп (включая тюрков и уйгуров). Однако в отношении Древнехакасского государства (в эпоху Кыргызского каганата и несколько позднее) деление на левую и правую половину, насколько известно, не отмечается в источниках (ср. китайское понимание имени посла: «...стрелок с левой руки», никак не связанное с административным устройством). Известно, что еще до возникновения на Енисее каганата в 648 г., за правителем древних хакасов императором Тайцзуном был официально признан титул «генерал почетной гвардии левой руки» (или «генерал почетной гвардии слева», Супруненко 1974. С. 240, 241; Супруненко 1975. С. 60), но это – китайский взгляд на мир и его членение.

Отсутствующие в эпитафиях аристократические имена подтверждаются наскальными надписями. *Alp Sol* и *Tü(~ö)pek Alp Sol* встречаем в енисейских надписях Тэс I и Тэс II на одной скале в долине р. Тэс-Хем (Тэсийн-Гол) в Монголии. Изучение этих строк имеет длительную историю (Кляшторный 2003. С. 272–274), но компонент *Sol* был настолько незнаком для исследователей, что долго не узнавался (чтения Б. Я. Владимирцева – Шун, Шон, Алшон, Ашун; С. Г. Кляшторного – *Šul*; Кляшторный 1978. С. 152–155; Кляшторный 1985. Р. 137; Кляшторный 1987. С. 19). Поначалу иначе читался и первый компонент имени строки Тэс II (Кляшторный 1978: *Türes*,

Клуашторну 1985, Кляшторный 1987: *Türək, Türək*), а надписи относили к уйгурско-му времени. Чтение надписи Тэс II было выправлено в 1994 г., тогда же указана не уйгурская, а древнехакасская палеография памятника, связывавшая его с периодом позднее середины IX в. (Кызласов И. А. 1994. С. 192, 206. Примеч. 48). Указанные поправки молчаливо приняты С. Г. Кляшторным (Кляшторный 2003. С. 274). В дальнейшем был дан разбор окружавших текст тамг, а содержание текста нашло место среди манихейских религиозных представлений, отраженных в ряде енисейских наскальных надписей: $\Rightarrow \approx \uparrow \downarrow \succ \sphericalangle \mid \Rightarrow \times \cap \downarrow \succ \uparrow \downarrow : \uparrow \downarrow \cap \mid$ *tü(-ö)p(e)k :* *(a)ḫ sol b(i)t(i)d(i)m (e)s(ä)n ol(u)rt(i)m* «Я, Тюпек (~ Тёпек) Алп Сол, написал: благополучным (букв. *невредимым*) я [здесь] поселился» (Кызласов 2004. С. 116, 119).

Грамматическое обособление имени собственного при чтении надписи Городовой Стены (*Alp Sol [ben]* «[Я –] Алп Сол») основано на текстологических исследованиях енисейских надписей И. В. Кормушина (Кормушин 1986. С. 166, 167).

I. 6, 7. Этими рунами, без сомнения, записано слово *in* – фонетический вариант слова *en* «низ; низкий, низменный» (ДТС. С. 173, 209). Показательно, что именно в таком написании слово *in* в значении «греховный (человек)» встречено в енисейской молитвенной надписи XI на скале Хая-Бажи (E 24/11) (Кызласов И. А. 1994. С. 191. Рис. 24), а без обозначения гласного – т. е., вероятно, в форме *(e)n* – с тем же религиозным смыслом – в первой строке надписи Бичикту-Боом II/1 (Кызласов И. А. 2000а. С. 91–94). Следовательно, перед нами устойчивое понятие сибирского манихейства, встречающееся в наскальных надписях Хакасии, Тувы и Алтая (Кызласов 2001. С. 253). Семантически близкий глагол *en-* «спускаться, сходить», согласно чтению С. Е. Малова, встречен в енисейской надписи пещеры Тогыс аас на р. Белый Июс (E 38, 4) (Малов 1952. С. 68). В этом смысле со значением «спуститься, снизойти» глагол *en-* применялся в отношении призываемого на землю божества, на что указывает алтайская молитвенная надпись Ялбак-Таш V (Кызласов И. А. 2001. С. 247. Рис. 4, 1; 2003а. С. 26–29. Рис. 10): $\downarrow \uparrow \downarrow \downarrow \Rightarrow \approx \downarrow \downarrow \in \cap$ *t(e)g(e)(ä)n {ä} (a)t(a)m {a} (e)n(i)n {ä}* «Обретенный мой Отец, снизойдите [до меня]!»

I. 8–10. Следующими тремя знаками записано деепричастие *ahyḫ*, производное от глагола *ahy-/alg-* «губить, уничтожать; положить предел, прекращать» (ДТС. С. 34, 37). В тексте эта форма играет роль непоследнего сказуемого, указывая на предшествование выраженного им действия по отношению к конечному сказуемому, возможно, причинно его обуславливая (Кононов 1980. С. 128, 129, § 221; Щербак 1981. С. 126 и след.). Поэтому первая часть текста может иметь несколько стилистических вариантов перевода, выделяющих различные смысловые оттенки. Из них наиболее вероятными в данном контексте представляются два: «Когда, уничтожив низкое (греховное), ...» или «Поскольку, положив предел низменному...».

I. 11–15. Эти рунические знаки (ил. 9) читаются как *abadya* и толкуются как слово *abad* (то же, что и *abadan*) «процветание, благоустройство» (ДТС. С. 1), стоящее в дательном падеже (*-ya/-qa*) со значением места. Подобное употребление этого падежа (в форме *-qa*) встречено в древнехакасской надписи на горе Озерной (Кызласов И. А. 1981. С. 86, 87). Любопытно, что в анализируемом тексте применен звонкий фонетический вариант аффикса. До сих пор отмеченная лишь в пяти эпитафиях (E 6, 4; E 7, 4; E 15, 2, 3; E 41, 9–11; E 45, 2, 5), такая форма признана А.Н. Кононовым характерной особенностью именно енисейских надписей (Кононов 1980. С. 153).

Ил. 9. Деталь надписи. Знаки 11–15: ab'd'ya

§ 278). Предлагая новые прочтения эпитафий, И. В. Кормушин (Кормушин 2008. С. 186–188) в целом расширяет круг надписей с дательным падежом в тексте, сокращая, однако, число примеров с озвонченным *-ya* лишь до позиций после *н* и *ш* в редких случаях, расцененных как более поздние по времени создания (Е 11, 4; Е 45, 2, 3, 5). Наша наскальная надпись, как видим, не подпадает под выдвинутые филологом ограничения.

Особого внимания заслуживает само слово *abad* – редкий пример вхождения в руническую письменную речь персидского заимствования. Книжная природа такого заимствования не вызывает сомнения. Указание «Древнетюркского словаря» на встречаемость формы *abadan* лишь в поэме Ахмеда Югнекского первой половины XIII в. (ДТС. С. XXXI) позволяет считать надпись на Городовой Стене самым ранним известным случаем использования этого персидского слова в тюркских языках.

1. 16–18. Следующее слово (ил. 10) *tayri*, обозначавшее в средневековых текстах не только «небо», но и «бог, божество» (ДТС. С. 544). В нашем случае, как и во многих других наскальных енисейских надписях (Кызласов И. А. 2001. С. 251), речь, несомненно, идет о Верховном Боге. Из последующего текста становится ясна мужская природа этого бога. Насколько известно, в эпитафиях такое понятие отсутствует, хотя воспринимаемое в качестве определения «божественный» слово *tayri* довольно распространено. Ориентируясь на труд С. Е. Малова, можно отметить, что оно уже встречалось в шести енисейских надписях, характеризую термин *el* – понятие, казалось бы, вполне земное (Малов 1952. С. 11, 16, 17, 19, 36–38, 80, 110) (Е 13, 4 см.: Васильев 1983. С. 20, 21, 69. Строка 3). Увеличение числа известных эпитафий не изменяет картины в целом: о «божественном владении» (И. В. Кормушин переводит: «бого[хранителем] государстве») речь идет на 10 стелах: Кормушин 2008. С. 327: здесь выпущен текст Е 13). В семи (вместо трех у С. Е. Малова) енисейских памятниках (Е 7, 3; Е 10, 3; Е 45, 5, а также Е 53, 1; Е 92, 1; 147, 4; 149, 3) речь идет о небе, в двух (Е 50, 1; Е 149, 3) – возможно, уподобление божеству (Малов 1952. С. 22, 23, 25, 26,

Ил. 10. Деталь надписи. Знаки 16–21: t²η²in¹a

62, 66, 81, 82, 98, 99; Кормушин 2008. С. 147, 148, 327: 56, 6 – «небоподобный», что маловероятно, скорее «богоподобный»). Во всех случаях (кроме Е 36, где последующий аффикс позволил выпустить знак для конечной гласной) слово *tānri* написано одинаково, так же как в нашей надписи.

В отношении *tānri elim* «моего божественного владения» ситуация, быть может, разрешается иным восприятием этого словосочетания. Мы видели, что в половине эпитафий (7 из 14), содержащих слово *tānri*, речь, несомненно, идет не о божестве, а о небе, находящихся там солнце и луне, с которыми расстался умерший. Потому и интересующее нас словосочетание возможно воспринимать как перечень: «небом [и] моим элем (владением)» («я не наслаждался» и т. п.). Речь идет о восприятии мироустройства, в котором человек находится между небом и землей. Об этом, как широко известно, повествует первая строка большой надписи на стеле Кюль-тегина: «Когда вверху было сотворено голубое небо, а внизу – бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие». При новом понимании выражения *tānri elim*, эль и есть то земное, что находится под небом – владение умершего аристократа (угодья и живущие на них его подданные). Такое понимание прямо подтверждается фразами: *kōke tānridä esiz kūn aj ermiš jayiz jerdä esiz el qan ermiš* «на голубом небе, о горе, были солнце и луна, на бурой земле, о горе, были эль и хан» (Е 147, 4), *jayiz jerdä elim* «на бурой земле [находящийся] мой эль» (Е 149, 4) (тексты см.: Кормушин 1997. С. 253, 255; 2008. С. 164–166). *Qanım elim* енисейских эпитафий есть подобная социальная схема мироустройства: мой хан (который выше меня) и мое владение (которое ниже меня, подчинено мне). Отсюда *tenri qanım elim...* в Е 50, 1 означает «небо, мой хан [и] мой эль...».

1. 20, 21. Записанное этими знаками (ил. 10) слово *ana* «мать» (ДТС. С. 43) до сих пор встречалось лишь в одной енисейской эпитафии (Е 41, 6). Там оно тоже начертано двумя знаками (Малов 1952. С. 74, 75). И. В. Кормуппин, привлекая и эпитафию Е 42, сомневается в употреблении этого слова и не дает ему перевода (Кормушин 2008.

С. 315). С уменьшительно-ласкательным аффиксом *-č* слово *ana* (*anačit* «моя матушка») встречается в наскальной надписи Ялбак-Таш XXIII (Кызласов И. А. 1997. С. 179. Рис. 7; Кызласов И. А. 1999а. С. 100, 101. Рис. 4; Кызласов И. А. 2003а. С. 82–85. Рис. 28).

Долгие сомнения в правильности разделения и взаимосвязи ряда слов, записанных знаками I. 16–28, разрешились благодаря материалам, собранным и опубликованным В. В. Трепавловым (1997). Исследователь показал, что тюркоязычному населению Поволжья, по крайней мере, с эпохи Золотой Орды (с конца XIV в.), было присуще особое отношение к реке Волге, именовавшейся с тем же порядком слов, что в нашей надписи, Ана Эдла (Итиль, Идиль, Эдель), т. е. Мать-Волга. Такое обозначение реки отмечено и в позднейших памятниках XVI и XVII вв., существует в героическом эпосе, присуще ногайцам, и, вероятно, было воспринято русским народом («Волга-матушка») от тюркского населения волжских берегов. Тюркоязычные народы Южной Сибири поныне называют реку матерью, а гору – отцом. Текст надписи на скале Городовая Стена показывает, что восприятие крупных рек как матери народа, проживающего у ее вод, было присуще тюркоязычному населению уже в раннем Средневековье.

I. 22–24. Древнее название реки Енисей – *Käm* (ср. современное аборигенное: хакасское *Ким* и тувинское *Улуг-Хем*) – здесь вновь начертано полностью (ил. 11), как и в мугурсаргольском тексте начала IX в. (Кызласов И. А. 1979а. С. 285). Вероятно, подобное написание является особенностью енисейских памятников, прежде всего наскальных, так как в двух орхонских эпитафиях – тюркской и уйгурской (Бильекагана, 26; Моюн-чуря (Баян-чора) 19, 25) – слово записано без знака для гласного (Малов 1950). Показательно, что в единственном известном случае написания нашего гидронима в енисейской эпитафии (E 12, 3; опознал И. В. Кормушин (Кормушин 1997. С. 180–183; 2008. С. 105, 322; ср.: Малов 1952. С. 34, 35), как и в изученной мною, но до сих пор не изданной надписи в пещере горы Тепсей (первая строка), также не содержится обозначения гласного, т. е. их авторы следуют, как можно думать, литературной норме эпохи.

I. 25–28. Значение следующего слова надписи – *qatun* (ил. 12), согласно «Древнетюркскому словарю», следовало бы определить как «госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения» или «жена правителя, знатного человека» (ДТС. С. 436). В подобном смысле *qatun* действительно употреблялось в орхонских памятниках тюрков (стела Кюль-тегина, 31; Тоньюкука, 31) и уйгуров (Моюн-чуря, 10), в таласских надписях (Г 1, 2) (Малов 1950. С. 24, 31, 40, 59, 63, 68, 74, 75, 412; Малов 1959. С. 31, 35, 39, 59, 98). Однако есть основания полагать, что известные ныне енисейские тексты не знают слова *qatun* в указанном значении. Супруги умерших аристократов в эпитафиях неизменно именуются не *qatun*, а *qinčij* «принцесса», – термином, в свою очередь неизвестным орхонским памятным надписям. Вероятно, это следует объяснять разным социальным положением умерших: у правителей-каганов орхонских текстов – *qatun*, а у князей-бегов енисейских эпитафий – *qinčij*.

Так или иначе, но во всех известных случаях употребления слова *qatun* в енисейских памятниках оно имеет иной смысл и связано с именем рек. Обоснования такого значения слова *qatun*, приведенные С. Е. Маловым при анализе памятника Уюк-Туран (E 3, 4) и полученные при сравнении с терминологией желтых уйгуров

Ил. 11. Деталь надписи. Знаки 22–24: kätm

Ил. 12. Деталь надписи. Знаки 25–28: qt'up

и якутов, гидронимией Южной Монголии (Малов 1952. С. 19, 20), рассмотрены и отвергнуты И. Г. Добродомовым (Добродомов 1984). Однако, исходя из реальной енисейских надписей, вопрос выглядит сложнее. Возможно, толкование слова *qatun* в связи с рекою возникло у одного из родоначальников тюркской рунологии благодаря не только употреблению слова в живых восточных языках, но и приведенной в тексте эпитафии средневековой форме сохранившегося ныне гидронима. *Egük (qatun)* в результате стяжения гласных превратилось в современное название *Üük (Уюк)*. На этой реке и был найден обсуждаемый письменный памятник.

В то время это был единственный случай употребления *qatun* в неиспорченном енисейском тексте, и С. Е. Малов в переводе осторожно передал *Egük qatun* как название местности: «Я умер (букв. *отделился*) на шестьдесят третьем году на своей земле Эгюк-катуң». Эта трактовка и была признана исследователями (ДТС. С. 167). Учитывая новые материалы, следует вслед за И. А. Батмановым (Батманов 1959. С. 142, 143, 179) внести уточнение в понимание и перевод четвертой строки памятника Е 3. Фраза *ñe jetmiş jaşımqa adırılıñ Egük qatun jerimkä adırılıñ* построена по закону параллелизма и означает: «В шестьдесят три года я отделился (т. е. умер), от реки Эгюк (Уюк) и от моей земли я отделился» (последнюю часть можно понимать и как «на реке Уюк, на своей земле я умер»). Так же, но несколько модернизированно, понимает ныне это место И. В. Кормушин (Кормушин 1997. С. 192, 193, 196): «С моей [родной] землей у реки Уюк я разлучился».

Слово *qatun* встречается и в плохо сохранившемся тексте памятника с Кула-Хема (Е 12). В восприятии текста у В. В. Радлова и С. Е. Малова, как ныне показано (Батманов, Куна 1965. С. 15–18; Васильев 1983. С. 20, 73; Кормушин 1997. С. 180–182), произошло соединение краткой эпитафии с двумя строками обломка другого поминального текста – Е 72. В первой его строке, которую С. Е. Малов считал второй и относил к Е 12, тюрколог читал *...un qatun tarlayım* и переводил как «...госпожа. Мое поле» (Малов 1952. С. 34, 35). В новой прорисовке, включающей четыре непопадающиеся прочтению руны, предшествующие слову *qatun* (Батманов, Куна 1965. С. 17; Васильев 1983. С. 73), узнается композиция, близкая рассмотренному уюкскому случаю. В первой части можно видеть название реки, а затем упоминается земля, которой владел умерший (здесь *tarlayım* «моя пашня, мое поле»).

В свете сказанного очевидно, что и четвертую (по С. Е. Малову; на деле вторую) строку надписи Е 12 (... *km: qatun... j¹r²d²*) следует понимать не как *ekäm qatunım* «моя тетка, моя госпожа» (Малов 1952. С. 34, 35; ДТС. С. 167), а как часть записи названия реки. И. В. Кормушин, обнаружив в начале этой строки еще пять рунических знаков (которые он читает *sub j(e)r* и переводит не вполне ясным для меня выражением «реки-озера и земля»), верно трактует обсуждаемое место текста: *k(a) t q(a)-tun*. Отказ от прежнего понимания подтверждается композиционными закономерностями эпитафийных текстов – в них отсутствует соседство слов, обозначающих местность или ее детали, и термины родства или социального положения. Там, где речь идет об отделении умершего от земли, упоминаются только природные объекты (ср.: *kök täñridä kün aj azıdım jerimä jüta esizimä adırıldım* «я перестал ощущать солнце и луну на голубом небе, от моей земли, увы, о горе, я отделился» (Е 10, 3); *jerimä jüta subıma adırıldım* «от моей земли, увы, от моей воды я отделился» (Е 11, 4) – Малов 1952. С. 26, 31, 32).

Возможно, называя определенную реку и свои владения, создатель эпитафии наполнял конкретным содержанием общий устойчивый речевой оборот *jerim subim* «моя родина» (ср. хакасское *чир-суэ* «родина»). Вероятно также, что указание в эпитафии названий реки, на берегах которой располагалось владение феодала, — дань древней саяно-алтайской традиции обозначения по рекам мест рождения и жительства человека. «Где живете, из какой реки воду пьете?» — еще недавно спрашивали друг друга знакомящиеся хакасы. Понятие словом *суэ* в хакасском обозначается не только река, но и место жительства (*бюкен-төрөөн суэ* «место, где родился и вырос», *тир суэ чон* «люди одной местности, земляки») и т. д.; ХРС. С. 516). Сохранилась эта традиция и в фольклоре Южной Сибири.

Именование в надписи Городовой Стены Енисея как *Käm qatun* — второй, как мы видели, несомненный случай употребления анализируемого слова в отношении реки в енисейских текстах. До сих пор древнему названию великой сибирской реки в местных рунических надписях сопутствовало слово *ögüz* «река» (Кызласов И. Л. 1979а. С. 285). Судя по употреблению в орхонских надписях (Кюль-тегина, малая 3, Тоньюкука 16, Бильге-кагана 27, Моюн-чура 8), *ögüz*, как и близкая форма *öküz* (Махпиров 1984. С. 162), употреблялось для обозначения крупных рек. Об этом же свидетельствуют топонимические данные Северной Хакасии: крупные реки *Сралыя Үйс* (русс. Сарала), *Ах* (Белый) и *Хафа* (Черный) *Үйс* (русс. Июс), *Иргэ Үйс* (русс. Чулым) сохранили стяженную форму древнего *ögüz*.

Другое дело — *qatun*. Этим термином в енисейских надписях обозначены и Енисей, и сравнительно небольшая река Уюк. Кроме известной алтайской Катунь этот термин сохранился и в названии небольшой реки Восточного Саяна — левого притока верховьев р. Казыра, а также ряда речек Тувинской котловины (Молчанова 1979. С. 216). С учетом сказанного термины *ögüz* и *qatun* не могут считаться синонимами. Первое, исходя из его употребления как в орхонских, так и в енисейских рунических памятниках, возможно, в большей степени воспринималось как литературное, а второе из этих слов, имеющее более широкую область применения и встречаемое в указанном значении только в енисейских надписях, было, видимо, местным и может расцениваться как особенность южносибирской лексики. Хакасы еще в середине XVIII в. называли Енисей *Käm qatun* — Кем-Хатунь. Пояснение последнего сочетания слов звучит «госпожа Кемь» (Бахрушин 1959. С. 38; по И. Г. Гмелину).

Надпись на Городовой Стене не оставляет более сомнения, что река Енисей обладала в глазах раннесредневекового тюркоязычного населения женским естеством, была «матушкой Енисеем» (руны 20–24). Оттого и добавлено к ее имени наиболее уважительное обращение *qatun*. В отношении эпитафий Е 3 и Е 12 И. В. Кормушин избрал перевод «госпожа-река» (Кормушин 2008. С. 325), что не кажется точным воспроизведением средневекового понятия. Раскрывшаяся нам мифологическая картина требует самой возвышенной, необыденной лексики: «владычица, повелительница, государыня», в народной глубине русской речи, конечно же, «государыня-матушка». Енисейские рунические эпитафии и сохранившаяся гидронимика показывают, что так величали и малые реки — всяк в своих владениях имел реку-владычицу.

Следуя А. Н. Самойловичу, можно было бы думать, что такое отношение к рекам восходит на Саяно-Алтае еще к дотюркский поре, поскольку он, при опоре на исследования Кастрена, Анучина и Марра, указывал, что понятие «река» (*кам*) и «женщина» совпадает в речи коттов, вымершего народа, принадлежавшего к енисейской семье

языков (Самойлович 2008. С. 501, статья 1933 г.). Оставляя в стороне до сих пор не выясненное происхождение речного имени «келт» (в коттском отмеченного, но не им порожденного), следует сказать, что в сводной работе по коттскому языку, выполненной Г. К. Вернером, мы не находим отождествления понятий «река» и «женщина». Каждому из них соответствует свое слово, причем последнее восходит к кварту Луны и Солнца, а не реки (Вернер 1990. С. 246, 250, 256, 310, 359).

І. 29–32. Десятое слово надписи (ил. 13) – деепричастие *qabišip*, образованное от основы *qabiš* «объединяться, соединяться, сходиться» (ДТС. С. 399) (ср.: *qaviš*- и *qavniš*- ДТС. С. 437, 438). Этот глагол хорошо известен по орхонским текстам (Тоньюкука 21, Моюн-чура 23, 28) (Малов 1950. С. 58, 62, 67; Малов 1959. С. 32, 33, 36, 41). Так же как и разобранный выше деепричастие *ahip*, форма *qabišip* выполняет в тексте роль последнего сказуемого, указывая на предшествование действию, выраженному конечным сказуемым, или на его причинную обусловленность.

І. 33–35. Этими знаками (ил. 14) написано слово *jeg* «хорошо, хороший» (ДТС. С. 252, 260). До сих пор оно было известно лишь в двух орхонских эпитафийных текстах, где было начертано с обозначением гласного – *jig* (Кюль-тегина, малая 4) или сокращенно (*j²g* – Тоньюкука 37). Значение этого слова в 29 строке памятника Кюль-Тегину «добро, благо» (Малов 1950. С. 31, 40, 387), позволяет подобное же понимание термина и в нашей надписи. Понимание «благое» в религиозном значении поддерживают и примеры такого смысла слова *jeg* (*jig*), содержащиеся в других енисейских пещерных надписях манихейской принадлежности: Бичикту-Боом III (дважды), Ялбак-Таш XX (Кызласов И. А. 2001. С. 250; Кызласов И. А. 2003а. С. 72).

Ил. 13. Деталь надписи. Знаки 29–32: $qb^1š^1p^1$

Ил. 14. Деталь надписи. Знаки 33–38: $j^{2}ags^{1}iy$

Г. 36–38 (ил. 14). Этими рунами записано слово *asīy* «польза, выгода» (ДТС. С. 60). Согласно чтению И. В. Кормушина, это слово встречено в частично сохранившейся строке 5 в енисейской эпитафии Хербис-Баары (Е 59) в том же написании, что и в нашем случае, но со значением «выкуп» (Кормушин 1997. С. 245–247).

Ил. 15. Деталь надписи. Знаки 39–43: $qī^{1}ur^{1}$

Л. 39–43 (ил. 15). Глагольная основа *qil-*, с первоначальным значением «сделать, изготовлять, создавать, сооружать» (ДТС. С. 442), в сочетании с существительным *at*, наблюдаемым в нашей надписи, создает устойчивое выражение «приносить пользу, помогать» (ДТС. С. 60). Здесь употреблена форма причастия общего времени на *-ir*. Глагольная основа *qil-* встречается в пяти енисейских эпитафиях (Е 6, 2; Е 26, 15; Е 28, 3; Е 45, 10; Е 98, 2), где записана, аналогично нашему случаю, с обозначением корневого гласного. Исключение составляет возвратная форма глагола *qilin*, встреченная в надписи с Элегеста (Е 10, 9) в сокращенном написании *qil²* (Малов 1952. С. 21, 25–27, 53; Кормушин 2008. С. 17, 18, 135, 136, 158, 325). Из 13 случаев употребления этого глагола в орхонских текстах (Кюль-тегина, малая 10, б 1, 5 – в каждой строке дважды; Кюль-тегина, большая 15; Онгинский 4, в 2; Бильтекагана Ха 7, Хв 12; Моюн-чура 16) он лишь однажды был записан без корневой гласной (Онгинский, а 2) (Малов 1950. С. 20–22, 28–30; 1959. С. 7–9, 14, 15, 18, 19, 31, 35). До сих пор применение причастия на *-ir* было отмечено лишь на трех енисейских памятниках (Е 18, 1; Е 25, 6; Е 146, 2, 4) (Батманов 1959. С. 94; Кызласов И. А. 1987. С. 22–25). Огласовка этого аффикса губным гласным при негубном в глагольной основе – ситуация, неоднократно привлекавшая внимание лингвистов (Жононов 1980. § 203–205. С. 121, 122, 186. Примеч. 106).

Л. 44–46 (ил. 16). *Viž* выступает здесь постпозитивным личным показателем сказуемости 1 л. мн. числа.

Л. 47. Слово *at*, записанное здесь, как обычно, единственным знаком *t¹* (ил. 16), означает здесь «титул, звание» (ДТС. С. 64). Подобный его смысл отмечен, например,

Ил. 16. Деталь надписи. Знаки 44–47: *b²izi¹*

Ил. 17. Окончание первой строки надписи. Знаки 48–52: $j^2i^2b^2z$

в тексте Моюн-Чура (строка 19) (Малов 1959. С. 32, 36, 40, 90). Исходя из религиозной принадлежности нашего наскального текста, речь в нем, скорее всего, идет о духовном сане. В «Покаянной молитве» манихеев церковные разряды обозначены именно этим словом – Хуастуанифт, 211, 212: *nijosäg atin tutar* «мы носим звание (имя) слушателей» (Дмитриева 1963).

I. 48–52. Последним словом первой строки (ил. 17) является глагол *je-* (в фонетической форме *ji-*), употребленный в значении «пользоваться чем-либо, достигать чего-либо» (ДТС. С. 252, 260). Насколько известно, эта основа до сих пор не встречалась в енисейских текстах, из орхонских же была зафиксирована лишь в памятнике Тоньюкука в значении «есть, питаться» (строка 8), где записана или без передачи гласного, или, подобно нашей надписи, в варианте *ji-* (Малов 1950. С. 57, 61, 65). В надписи Городовой Стены глагол употреблен в настояще-будущем времени, так как *-r* есть аффикс причастия, а *bix* выполняет функцию личного аффикса. Интересно, что по написанию он отличается от личного показателя, употребленного в предыдущем случае (руны 44–46), пропуском гласного, что объясняется, вероятно, его связью с мягкорядной основой.

II. 1–2. Слово *baj* (ил. 18) «богатый» (ДТС. С. 79) уже встречалось в трех енисейских надписях в несомненных случаях (Е 7, 1; Е 17, 1; Е 47, 5) и дважды – в трудно разбираемых фрагментах текста (Е 48, 11; Е 100, 4; Малов 1952. С. 39, 84, 96; Малов 1950. С. 76, 77; Кормушин 1997. С. 250–252; Кормушин 2008. С. 317). Всюду слово написано так же, как в нашем случае.

II. 3–4 (ил. 19). *Var* – предикатив «есть, имеется» (ДТС. С. 83). Видимо, здесь в предложении он выступает как часть двухсоставного сказуемого (Кононов 1980. С. 208, 209).

II. 5–6. Последние два знака надписи (ил. 19) воспринимаются как прошедшее категорическое время, образованное от глагольной основы *et-* («создавать, строить; устраивать, приводить в порядок»). ДТС. С. 186, 215) и оформленное личным аффиксом 1-го л. ед. числа *-m*. Таким образом, приходится предположить утрату при

Ил. 18. Начало второй строки текста. Знаки 1–2: b^1j^1

Ил. 19. Деталь второй строки текста. Знаки 2–6: $j^1b^1r^1r^2m$

написании аффиксового t^2 , что отвечает нормам рунической орфографии в случаях встречи двух одинаковых согласных. Составное сказуемое *bar et-* можно понимать в значении «реально создавать, сотворить».

Орфография

В языке надписи, вырезанной на Городовой Стене, отмечаются две орфографические особенности, которые в основе своей, надо думать, являются отражением фонетических явлений. Первая из них находит аналогию в части енисейских надписей, вторая, возможно, позволяет наметить отличительную черту речи оставившего эти рунические тексты населения в целом. На общем фоне языкового членения памятников древнетюркской письменности на группы по употреблению узких или широких гласных в одних и тех же основах или аффиксах (Кононов 1980. С. 36–39) выявлено разделение енисейских текстов на две явно выраженных части: так называемые *i*-наречие и *e*-наречие (АТД. С. 12, 13, 25; ср.: Тенишев 1976. С. 28, 29). Картографирование позволило связать поднаречие *e* с населением Северной, а поднаречие *i* – Южной Хакасии IX в., проследить некоторые перемещения носителей каждого поднаречия в IX–X вв. (Кызласов Л. Р. 1965. С. 44–49; Кызласов Л. Р. 1969. С. 126). В надписи на Городовой Стене, находящейся в исторических пределах Северной Хакасии, между тем ясно проявились черты южного *i*-наречия (*in* вместо *en*, *je-* вместо *je-*, видимо, и последнее слово текста следует читать не *ettim*, а *ittim*), с которыми уживается, однако, написание *jeg* (а не *jig*).

Явное стремление к полногласному написанию слов, проявившееся в систематическом обозначении краткого *i/i* в абсолютном начале слов (*in*) и в закрытых слогах (*ašy*, *qilur*, *biž*, *jiŋv(i)z*), выявляет орфографическое влияние полногласного манихейского письма (Кызласов И. А. 1997; Кызласов И. А. 1999а). Сюда же следует отнести и редчайший случай обозначения широкого гласного в абсолютном начале слова – *ab(a)d*. Аналогии этой ситуации также находим среди рунических рукописей Восточного Туркестана, подвергшихся системному воздействию правописания манихейских текстов: *b(a)šlap* (ThS IV, 3); *aži* (дважды), *ipraŋin*, *j(a)raimāš*, *tat(i)yl(i)ŋ*, *aš*, *ašajin* (Т. М. 342, 1, 3–8); *tamiuŋku*, *tamiyaliy* (ThS III, 2) и т. д. (Кызласов И. А. 1999а. С. 92–94). Нет сомнения, что все эти отклонения от классических рунических норм, не требовавших обозначения обсуждаемых гласных в отмеченных позициях, являются свидетельством той манихейской школы письма, которую прошел автор наскального текста на утесе Городовой Стена.

В изучаемой надписи во всех случаях, кроме начальной позиции, вместо Πq употреблено $\mathcal{X}y$ (*ahyp*, *abadya*). Сопоставим эту ситуацию с периодически проявляющейся заменой *q/k* на *y/g* в иных енисейских текстах: *-ya/-ge* как формы дательного падежа (Е 6, 4; Е 7, 4; Е 15, 2, 3; Е 41, 9-11; Е 45, 2, 5), *tutyu* вместо *tutuq* (Е 32, 12), *iŋraŋi* вместо *iŋraŋi* (Е 37, 1) (см. также: Малов 1950. С. 105). В качестве локальной особенности, отличающей Тувинскую котловину, такую последовательную замену встречаем даже в начальной позиции в эпитафиях из Малиновки (Е 56) (*yut* вместо *qut*, *yadaš* вместо *qadaš*) и Хемчик-Чиргакы (Е41: *gejik* вместо *kejik*, *yamaŋa* вместо *qamaŋa* и др., Кызласов И. А. 1977; Кызласов И. А. 2003б. С. 284; Кызласов И. А. 2003в. С. 18–20)³. Но если последнюю особенность следует воспринимать отдельно, по отношению к аффиксу дательного падежа озвонченное начало признано характерной особенностью енисейских надписей (Кононов 1980.

написании аффиксового t^2 , что отвечает нормам рунической орфографии в случаях встречи двух одинаковых согласных. Составное сказуемое *bar et-* можно понимать в значении «реально создавать, сотворить».

Орфография

В языке надписи, вырезанной на Городовой Стене, отмечаются две орфографические особенности, которые в основе своей, надо думать, являются отражением фонетических явлений. Первая из них находит аналогию в части енисейских надписей, вторая, возможно, позволяет наметить отличительную черту речи оставившего эти рунические тексты населения в целом. На общем фоне языкового членения памятников древнетюркской письменности на группы по употреблению узких или широких гласных в одних и тех же основах или аффиксах (Кононов 1980. С. 36–39) выявлено разделение енисейских текстов на две явно выраженных части: так называемые *i*-наречие и *e*-наречие (ДТА. С. 12, 13, 25; ср.: Тенишев 1976. С. 28, 29). Картографирование позволило связать поднаречие *e* с населением Северной, а поднаречие *i* – Южной Хакасии IX в., проследить некоторые перемещения носителей каждого поднаречия в IX–X вв. (Кызласов А. Р. 1965. С. 44–49; Кызласов А. Р. 1969. С. 126). В надписи на Городовой Стене, находящейся в исторических пределах Северной Хакасии, между тем ясно проявились черты южного *i*-наречия (*in* вместо *en*, *ji-* вместо *je-*, видимо, и последнее слово текста следует читать не *ettim*, а *ittim*), которыми уживается, однако, написание *jeg* (а не *jig*).

Явное стремление к полногласному написанию слов, проявившееся в систематическом обозначении краткого *i/i* в абсолютном начале слов (*in*) и в закрытых слогах (*atir*, *qilur*, *bix*, *ji**v**(i)z*), выявляет орфографическое влияние полногласного манихейского письма (Кызласов И. А. 1997; Кызласов И. А. 1999а). Сюда же следует отнести и редчайший случай обозначения широкого гласного в абсолютном начале слова – *ab(a)d*. Аналогии этой ситуации также находим среди рунических рукописей Восточного Туркестана, подвергшихся системному воздействию правописания манихейских текстов: *b(a)llap* (ThS IV, 3); *azu* (Аважды), *ipajin*, *j(a)ratmiz*, *taf(i)yl(i)z*, *ax*, *axajin* (Т. М. 342, 1, 3–8); *tannuqlur*, *tampaly* (ThS III, 2) и т. д. (Кызласов И. А. 1999а. С. 92–94). Нет сомнения, что все эти отклонения от классических рунических норм, не требовавших обозначения обсуждаемых гласных в отмеченных позициях, являются свидетельством той манихейской школы письма, которую прошел автор наскального текста на утесе Городовая Стена.

В изучаемой надписи во всех случаях, кроме начальной позиции, вместо **Л** употреблено **Ꞑ** (*ahyp*, *abadya*). Сопоставим эту ситуацию с периодически проявляющейся заменой *q/k* на *γ/g* в иных енисейских текстах: *-ya/-ze* как формы дательного падежа (Е 6, 4; Е 7, 4; Е 15, 2, 3; Е 41, 9-11; Е 45, 2, 5), *tutny* вместо *tutuq* (Е 32, 12), *iträgi* вместо *iträki* (Е 37, 1) (см. также: Малов 1950. С. 105). В качестве локальной особенности, отличающей Тувинскую котловину, такую последовательную замену встречаем даже в начальной позиции в эпитафиях из Малиновки (Е 56) (*yut* вместо *qut*, *yadaš* вместо *qadaš*) и Хемчик-Чиргаки (Е41: *gejik* вместо *kejik*, *yatayra* вместо *qataqqa* и др., Кызласов И. А. 1977; Кызласов И. А. 2003б. С. 284; Кызласов И. А. 2003в. С. 18–20)³. Но если последнюю особенность следует воспринимать отдельно, по отношению к аффиксу дательного падежа озвонченное начало признано характерной особенностью енисейских надписей (Кононов 1980.

С. 153. § 278). Поскольку такое озвончение, как мы видели, распространяется за пределы написания дательного падежа, вероятно, его следует признать вообще характерным для енисейских текстов. Показательно, что данное орфографическое своеобразие проявляется на памятниках, относящихся к длительному периоду времени (от середины IX до конца XI – начала XII в., Кызласов А. Р. 1965. С. 46–48; Кызласов И. А. 1977), то есть является постоянным. По-видимому, его следует объяснять существовавшим в древнехакасском обществе расхождением между обычной нормой устной речи (звонкое *y*) и правилами письменного литературного языка (глухое *g*). Такое предположение объясняло бы попыткой выправить невольно прорвавшуюся «просторечную» форму появления в тексте третьего памятника с Барыка (Е 6, 4) парадоксальной на первый взгляд ситуации употребления в одном слове сразу двух форм показателя дательного падежа: *qujda quñšijituaqa ... aditññ* (Малов 1952. С. 22, 23). Однако И. В. Кормушин совсем иначе читает теперь это место (Кормушин 1997. С. 206, 207).

Отмечая эти особенности нашего наскального текста как возможное проявление устной речи той эпохи, нельзя не указать, что надпись на Городовой Стене – среди енисейских надписей один из наиболее ярких образцов грамматически развитой письменной речи, со свободным владением разнообразием смысловых оттенков, заключенных в различии глагольных форм.

Палеография

Формы знаков $\hat{\wedge}$ t¹ (руны I. 26, 47), $\hat{\wedge}$ b² (руны I. 44, 51), $\hat{\wedge}$ n² (I. 7), $\hat{\wedge}$ m (I. 24, II, 6) и применение знака $\hat{\wedge}$ ä (I. 23, 34) с несомненностью свидетельствуют, что надпись выполнена енисейским алфавитом. Палеографической спецификой этого памятника, пожалуй, является последовательное употребление знаков $\hat{\wedge}$ и $\hat{\wedge}$, обычных для s² и š², для обозначения s¹ и š¹ (*sol*, *qabišip*), а также разнообразие знаков для передачи s¹ ($\hat{\wedge}$ в слове *sol* и $\hat{\wedge}$ в слове *ašip*). Индивидуальные особенности отличают облик рун, обозначающих в надписи z (в двух случаях написания *biz*) и t¹ (в словах *qatim* и *at*).

Исторические выводы

Содержание и особая лексика надписи на Городовой Стене не оставляют сомнения в ее религиозном смысле. Применение иранского заимствования (*abad* «процветание, благоустроенность, многолюдность») позволяет вспомнить две рунические надписи из Хакасии, где в разных фонетических формах встречено заимствование из согдийского в значении «земная жизнь»: строки утеса Кёк хая на р. Есь (*ašim*) и эпитафийной стелы Тугупоп (Е 120: *ašim*; Кызласов И. А. 1979б. С. 95; Кызласов И. А. 1994. Рис. 14; Кызласов И. А. 2001. С. 244, 249). Все эти заимствования принадлежат к книжной религиозной лексике и лишней раз доказывают, что манихейство распространялось в горах и степях Южной Сибири и Центральной Азии ираноязычными проповедниками. Не будем забывать, что только манихеи применяли руническое письмо тюркоязычных народов для нужд своей церкви.

По убеждениям автора нашего текста – судя по звучному имени, аристократа по рождению – искоренение греховного имело вселенский характер, вело к гармоничному соединению небесного и земного в космогоническом браке: Высшего Бога с Государыней-Матушкой Енисеем. Процветание же окружающего мира позволяло

ершить благие, с точки зрения веры, человеческие дела и подниматься по духовной лестнице, достигая соответствующего сана.

Религиозные общины, члены которых оставили наскальные рунические надписи, не были однородными. Кроме многократно встреченного в горноалтайских надписях термина *jegän/jigän* (букв. «племянник»), вероятно, обозначавшего младший разряд в церковно-монастырской иерархии, резные наскальные тексты не содержат наименований чинов и духовных званий. Однако из содержания некоторых надписей проистекает существование неких пастырей, в обязанности которых входила оценка поступков других лиц и наставления их, побуждавшие к раскаянию (Ялбак-Таш VII, Лисичья II – Кызласов И. А. 2001. С. 248, 249. Рис. 4, 3; Кызласов И. А. 2003а. С. 29–32. Рис. 11). Здесь уместно вспомнить манихейских избранников – особый ранг благих верующих, ведущих аскетическую жизнь и составлявших основу церковной иерархии. Именно они были духовниками паствы (так называемых слушателей) и проповедниками истинной веры. Исповеди манихеев перед ними были еженедельными (Хуастуанифт, 183–185, изд. Дмитриева 1963). Согласно «Покаянной молитве», прегрешения бывали перед «истинным богом, чистым законом (писанием) и чистыми священнослужителями» – «служителями бога и проповедниками закона (вестниками)» (Хуастуанифт, 119–121, 125–128, 138–140, 212–214, 217–219). Принимая во внимание, что в текстах западного манихейства такие люди нередко зовутся совершенными или святыми и для них характерна аскеза, можно полагать, что одно из наименований избранника встречаем в санскритизме в надписи Ялбак-Таш VIII: *arxj* «святой, отшельник, мудрец» (Кызласов И. А. 2001. С. 247, 255, 258. Рис. 1, 2; Кызласов И. А. 2003а. С. 32–34. Рис. 12).

Именно о манихейской церковной иерархии идет речь в надписи на Городовой Стене, автор которой ставит достижение неких чинов или званий в зависимость от «приносимой нами благой пользы» по мере изживания греховного. Не случайно даже форма этого наскального текста, повествующего от лица «нас (всех)» (...*jeg aŋŋ qür biŋ at jir biŋ*), совпадает с построением «Покаянной молитвы» манихеев, исходящей из уст широкого круга верующих (Хуастуанифт, рефрен *öŋünür biŋ* «мы молим»). Можно допустить, что на енисейскую скалу попала формула из молитвы, рассчитанной на коллективное повторение вслух за читающим ее проповедником.

Вполне согласуется со сказанным и последнее утверждение надписи, некогда вырезанной Алп Солом, – «Я стал богат». В манихейском трактате «Кефалайя» говорится о делении светлых сил на три ранга: богов, богатых и ангелов (Смагина 1998. С. 296. Примеч. 24.3–4, 14, 15. С. 333. Примеч. 125.25–126.29). Тот же источник, прокомментированный Е. Б. Смагиной, позволяет понять смысла заключающей шапу надпись фразы. Речь в ней идет не о материальном богатстве, а о сугубо манихейском понятии, противоположном по сути. В соответствии с ним «в общем смысле богатство – это высшая степень святости и духовного могущества, достигаемого свободой от материальной скверны. Богатыми часто называются божества... Богатство людей достигается праведностью и проповедью истинной веры» (Смагина 1998. С. 378). Согласно самохарактеристике, и то и другое отличало обратившегося в манихейство и немало достигшего на церковном пути аристократа Алп Сола.

Как видим, изучаемая наскальная надпись – ценнейший источник для понимания духовных исканий и той их напряженности, которая была свойственна древнекавказскому обществу в раннем средневековье, в эпоху рунического письма. Об этом же

свидетельствует и лаконичная надпись из семи рун, высеченная в Хакасии на скале Крес хая у оз. Фыркал (Е 137): $\odot \text{M} > \text{A} \gg \text{M} \partial b(a)rtt (i) \dot{x} ut(u)u$ «Вложите совершенную душу (букв. *nutro*)!». Она также оставлена аристократом, ибо в конце строки выбита личная тамга писавшего, принадлежащая к разветвленному типу геральдических знаков, отмечающих владения пяти поколений знатного рода в 13 местонахождениях Северной Хакасии. Фыркальскую надпись по облику сопровождающей ее тамги следует относить к концу IX или рубежу IX и X вв. (Кызласов И. А. 2000). Надпись на Городовой Стене лишена личного герба, что свидетельствует о ее более позднем создании. Вероятно, ее следует датировать X в.

Из наскальных начертаний Городовой Стены перед нами встает фигура манихейского праведника, аскета и проповедника. Таков первый на Среднем Енисее манихейский священник, которого мы знаем по имени. В деле распространения Учения Света он, местный уроженец, принял эстафету от религиозных первопроходцев северного манихейства – ираноязычных проповедников, и понес эту веру среди соплеменников уже на языке тюркской семьи, прибегая к помощи древнего енисейского рунического письма. По двум этим признакам мы можем выделять сибирское тюркское манихейство, которое, набрав силу, двинулось со временем вспять, в материнские для него земли. Из Южной Сибири оно не только проникло в монастырские центры Турфана (енисейские граффити в пещерных обителях Яр-Хото), но и далее на запад – в Семиречье и горные долины Тянь-Шаня (енисейские и связанные с ними происхождением таласские молитвенные надписи, см.: Кызласов И. А. 1994. С. 197. Рис. 29; 2005а; 2005б; Рогожинский, Кызласов И. А. 2004; Рогожинский, Кызласов И. А. 2011). Остается отметить, что вместе с новой манихейской идеологией в надписи заметны и отголоски прежнего мировоззрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Батманов 1959
 Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
 Батманов, Куна 1965
 Батманов И. А., Куна А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Кызыл, 1965. Вып. 3.
 Бахрушин 1959
 Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. М., 1959. Т. 4.
 Бичурин 1950
 Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.
 Васильев 1983
 Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
 Васильев 1986
 Васильев Д. Д. Самая северная руническая надпись на Енисее // Turcologica. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1986. С. 53–56.
 Вернер 1990
 Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.

- Дмитриева 1963
Дмитриева А. В. Хуастуанифт (введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 214–232.
- Добродомов 1984
Добродомов И. Г. Не «река» – а «женщина». О достоверности топонимических этимологий // Этническая ономастика. М., 1984. С. 138–143.
- АТД 1971
 Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе, 1971.
- АТС 1969
 Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969.
- Кляшторный 1978
Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 151–158.
- Кляшторный 1987
Кляшторный С. Г. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 19–37.
- Кляшторный 2003
Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Коновов 1980
Коновов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Кормушин 1986
Кормушин И. В. Текстологические разыскания в области енисейской руники. К вопросу о женских поминальных надписях // Turcologica. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1986. С. 165–171.
- Кормушин 1997
Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
- Кормушин 2008
Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.
- Кюнер 1961
Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Кызласов И. А. 1977
Кызласов И. А. Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува) // СТ. 1977. № 2. С. 74–78.
- Кызласов И. А. 1979а
Кызласов И. А. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // СА. 1979. № 3. С. 280–290.
- Кызласов И. А. 1979б
Кызласов И. А. Тутугтопская стела с древнехакасской эпитафией // СТ. 1979. № 5. С. 90–96.
- Кызласов И. А. 1981
Кызласов И. А. Новые материалы по енисейской рунической письменности // СТ. 1981. № 4. С. 86–94.
- Кызласов И. А. 1985
Кызласов И. А. Институт отшельничества в Древнехакасском государстве (Енисейские надписи нового жанра) // Вопросы советской тюркологии. Тезисы докл. и сообщений. Ашхабад, 1985. С. 352–354.
- Кызласов И. А. 1987
Кызласов И. А. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины. Новый рунический памятник на Среднем Енисее // СТ. 1987. № 1. С. 21–32.

- Кызласов И. А. 1994
Кызласов И. А. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И. А. 1997
Кызласов И. А. Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // АОASH. 1997. Т. 50. Fasc. 1–3. P. 163–184.
- Кызласов И. А. 1999а
Кызласов И. А. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. 4: Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию дня рождения. М., 1999. С. 85–111.
- Кызласов И. А. 1999б
Кызласов И. А. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999. № 4. С. 99–117.
- Кызласов И. А. 2000а
Кызласов И. А. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии, № 5. Горно-Алтайск. С. 82–112.
- Кызласов И. А. 2000б
Кызласов И. А. Фыркальская руническая надпись и ее тамга // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета. Абакан. Вып. IV. С. 69–75.
- Кызласов И. А. 2001
Кызласов И. А. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Надпись единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура М. С. 243–270.
- Кызласов И. А. 2003а
Кызласов И. А. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбаг-Таш (Горный Алтай). М., 2003.
- Кызласов И. А. 2003б
Кызласов И. А. Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кыпчаки и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С. 283–286.
- Кызласов И. А. 2003в
Кызласов И. А. Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // Письменное наследие тюрков. Международный симпозиум. Тезисы. Кызыл, 2003. С. 17–20.
- Кызласов И. А. 2004
Кызласов И. А. Удааль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Маш и рунические надписи горы Дэл-Ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Сб. статей памяти В. В. Волкова. М., 2004. С. 104–122.
- Кызласов И. А. 2005а
Кызласов И. А. Таласские наскальные надписи // РА. 2005. № 2. С. 46–55.
- Кызласов И. А. 2005б
Кызласов И. А. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек, 2005. С. 54–67.
- Кызласов И. А. 2008
Кызласов И. А. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 451–463.
- Кызласов Л. Р. 1965
Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3. С. 38–49.

- Кызласов А. Р. 1969
Кызласов А. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов А. Р. 1998
Кызласов А. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник МГУ. Сер. 8: история. 1998. № 3. С. 8–35.
- Кызласов А. Р. 1999
Кызласов А. Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. № 2. С. 181–206.
- Малов 1951
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Малов 1952
Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Малов 1959
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Махпиров 1984
Махпиров В. У. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского и вопросы тюркской топонимики // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 154–163.
- Молчанова 1979
Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
- Рогожинский, Кызласов И. А. 2004
Рогожинский А. Е., Кызласов И. А. Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // КСИА. 2004. Вып. 216. С. 41–46.
- Рогожинский, Кызласов И. А. 2011
Рогожинский А. Е., Кызласов И. А. Руническая надпись ущелья Жаксылыксай (Семиречье) // Маргулановские чтения. Астана, 2011. С. 330–334.
- Самойлович 2008
Самойлович А. Н. Турки. Турецкие языки // Александр Николаевич Самойлович. Научная переписка. Биография. М., 2008. С. 497–508.
- Смагина 1998
Смагина Е. Б. Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат / пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е. Б. Смагиной. М., 1998.
- Супруненко 1970
Супруненко Г. П. Из древнекыргызской ономастики // СТ. 1970. № 3. С. 79–81.
- Супруненко 1974
Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории киргизов // История и культура Китая. М., 1974. С. 236–248.
- Супруненко 1975
Супруненко Г. П. Из истории взаимоотношений Танской империи с енисейскими кыргызами // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Т. 3: История и культура востока Азии. Новосибирск, 1975. С. 59–64.
- Тенишев 1976
Тенишев Э. Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // СТ. 1976. № 1. С. 27–33.
- Трепавлов 1997
Трепавлов В. В. Волга в культурной традиции народов Восточной Европы // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 103–108.
- Щербак 1981
Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. А., 1981.